

нием, с приобретенным остаточным зрением (по 25 %), наименее - у людей с приобретенной слепотой (0 %).

- адекватная самооценка (МД) - 16 % слепых и слабовидящих людей. Наиболее выражена данная способность у людей с остаточным зрением с детства (36 %), у людей со слепотой с детства (23 %), наименее - у людей с врожденной слепотой (9 %) и приобретенным остаточным зрением (0 %).

Наглядно результаты проведения методики адаптивных способностей Соловьева представлены на рисунке 2.

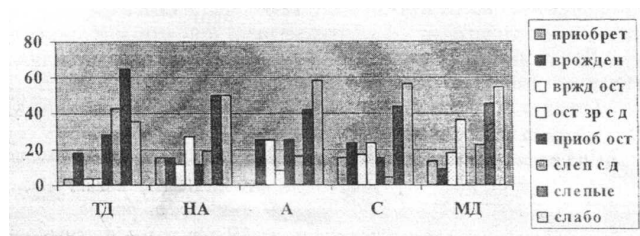

Рис. 2. Результаты проведения методики адаптивных способностей Соловьева (%)

Таким образом, у слепых и слабовидящих людей наблюдаются адаптивные способности, но при этом у многих из них выявляются вероятные типы дезадаптивного поведения. Наиболее выражены типы дезадаптивного поведения у слепых людей, в том числе у людей, слепых с детства и с врожденной слепотой. Среди слабовидящих людей типы дезадаптивного поведения наиболее выражены у людей с остаточным зрением с детства и приобретенным остаточным зрением. Наиболее выраженными адаптация и адекватная самооценка являются у слабовидящих людей, в том числе у людей с остаточным зрением с детства и врожденным остаточным зрением (эти люди с детства адаптировались к своему дефекту). Полученные результаты зависят времени возникновения дефекта зрения, от степени выраженности дефекта, от

степени его осознания и от собственных переживаний по этому поводу. У слепых людей изначально нарушены социальные связи, а у слабовидящих людей адаптация происходит быстрее в связи с наличием остаточного зрения. Здесь также большое влияние оказывает социальное окружение человека - и благоприятной социальной ситуации влияние дефекта на адаптацию и поведение уменьшается.

Итак, можно сделать вывод, что личностные особенности слепых и слабовидящих людей могут влиять на их адаптацию. Такие личностные особенности как сдержанность, контроль за своим поведением, возможно, влияют на проявление тревожно-депрессивного типа дезадаптивного поведения, а подозрительность в общении и отсутствие принципиальности - на проявление негативно-агрессивного типа поведения. Преобладание самостоятельности у слепых и слабовидящих людей, возможно, взаимосвязано с их адекватной самооценкой и коммуникативностью, способностью к адаптации. Данные выводы сделаны в виде гипотез, которые в дальнейшем будут проверяться.

Результаты экспериментального исследования могут применяться в реабилитационной работе со слепыми и слабовидящими людьми (социальные тренинги и тренинги личностного роста).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фобии и тревожные ожидания позднослепших. Методическое пособие для работников тифлопедагогической АПН института им. Герцена. - М., 2003.
2. Суворов А.В. Труд души: человечность / А.В. Суворов. - М., 1986
3. Шкляев А.В. Слепота и что за ней / А.В. Шкляев. - М., 1998.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. - М., 1999.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. - М., 1990.

ON THE PERSONAL FEATURES AND ADAPTATION OF THE BLIND AND VISUALLY IMPAIRED CITIZENS

© 2013

Ju. E. Krivodanova, the psychologist of office of social rehabilitation of minors with limited intellectual and physical opportunities of health, graduate student of chair of practical and correctional psychology of the Ural State Pedagogical University

Biysk territorial center of the social help to a family and children, Biisk (Russia)

Annotation: The article examines personality traits and adaptive abilities of blind and visually impaired people speculated about their relationship.

Keywords: adaptation of the personality, personality traits, the blind and visually impaired citizens, primary and secondary defect.

УДК 811.111

ПОЛЕ НЕИСТИННОСТИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

© 2013

О.А. Максимчик, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры «Английская филология и межкультурная коммуникация» Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация: В настоящей статье поле неистинности рассматривается как структурный элемент функционально-семантического поля истины. Интегральным для объединения разноуровневых единиц в поле неистинности выступает признак «неверное отражение действительности». Проанализировав отобранные контексты на английском языке, в которых объективируется значение неистинности, автор приходит к выводу, что проблема «неистины» находится не столько в ведении семантики, сколько – прагматики. Следовательно, для выявления конститuentов поля неистинности необходимо не только знание значений языковых единиц, но и определенный механизм их интерпретации. В статье показано, что правильная интерпретация контекста, с учетом всех особенностей речевой ситуации, позволяет выявить богатый арсенал языковых средств и нормативно-речевых способов, раскрывающих значение неистинности во всех его смысловых вариантах.

Ключевые слова: концепт «истина», английская лингвокультура, функционально-семантическое поле (ФСП), поле неистинности, неверное отражение действительности, речеповеденческий акт, контекстуальный анализ.

Для современного языкознания актуален интерес к проблеме отражения в языке концептосфер разных эпох и народов. В условиях интенсивного межкультурного диалога важным представляется дальнейшее углубление и уточнение знаний о базовых универсальных концептах, одним из которых является концепт «ис-

тина”. Серьезный научный интерес вызывает, в частности, выявление специфики концептосфер различных лингвокультур посредством анализа лингвокультурологических особенностей исследуемого концепта, что находит свое отражение в возросшем количестве языковедческих изысканий по данной проблематике. В частности, рассматривалось место концепта “истина” в русской языковой картине мира, а также ряд его семантических и когнитивных параметров в современном русском языке [1; 2; 3]. Наряду с этим была предпринята попытка анализа концепта в сопоставительном плане на материале русского и английского языков [4; 5]. Данные исследования, в первую очередь, существенно расширили представление о концептосфере русского языка, одновременно оставив широкое поле для исследователей английской языковой картины мира. Вместе с тем, детальное изучение способов актуализации концепта “истина” в английской лингвокультуре способствует формированию культурной компетенции, столь важной в современных условиях глобализации. Такие проблемы не нашли, на наш взгляд, достаточного последовательного решения в существующих языковедческих изысканиях.

Целью нашего исследования [6] было комплексное описание концепта “истина” в английской лингвокультуре путем выявления и систематизации способов его актуализации. Нами установлено, что значение истины реализуется в английском языке в лексически полноценных единицах и лексико-грамматических, синтаксических сочетаниях, морфологических категориях и др. Проецируясь в языковую семантику, исследуемый концепт получает самые различные способы актуализации – от отдельных лексем до целых предложений и фрагментов текста. Такое разнообразие форм репрезентации концепта “истина” позволило нам считать перспективным представлением его состава и структуры в виде *функционально-семантического поля истины* (ФСП истины) (о понятии *функционально-семантическое поле* см. [7, с. 40]). *План содержания* ФСП истины характеризуется общим инвариантным значением *отнесенности содержания высказывания к действительности*. Выделение общей семантической функции – *отражение действительности* – позволило включить в ФСП истины как *поле истинности*, так и *поле неистинности*: и истина, и неистина отражают объективный мир (другое дело, верно или неверно), а основанием объединения является признак “верности/неверности интерпретации действительности”, по отношению к которому истина и неистина выступают в виде антонимов (истина воспроизводит, а неистина искажает действительность). В рамках настоящей статьи остановимся подробнее на содержании и составе *поля неистинности* в системе современного английского языка.

Подчеркнем, что языковые антиподы истины являются ее семантическими производными: “неистина”, “ложность/ложь” определяются в лексикографических источниках как отрицание “истины-правды”, а противоположные значения “истина” – “неистина” различаются посредством отсутствия/наличия маркера отрицания. Исходя из того, что интегральным для объединения равноуровневых единиц в *поле истинности* является признак “*объективно верное отражение действительности*”, можно сделать вывод о том, что общим для всех единиц *поля неистинности* будет выступать признак “*неверное отражение действительности*”. Это заключение представляется нам особенно важным для понимания семантического объема и выявления конститuentов *поля неистинности* в современном английском языке. Соответственно, в нашу задачу входило раскрыть *план выражения* исследуемого поля, а именно выявить формальные языковые средства и нормативно-речевые способы, объективирующие значение неистинности во всех его смысловых вариантах.

При этом необходимо подчеркнуть, что признак, выделенный нами в качестве интегрального для выде-

ления элементов *поля неистинности*, является очень объемным по своему содержанию. Под *неистинностью* в основном понимают намеренное, осознанное использование лжи, обман. Однако в реальном общении неверное отражение действительности не обязательно предполагает злонамеренность действий субъекта. Так, возможны случаи, когда человек, думая, что говорит то, что соответствует действительности, на самом деле сам неумышленно дезинформирует адресата. Поэтому мы включили в исследуемое поле как единицы с актуальным признаком “преднамеренное, осознанное выражение лжи, обман”, то есть заведомое использование пропозиций, неверно отражающих действительность, так и элементы, реализующие значение “непреднамеренная неверная интерпретация действительности”, то есть всякого рода заблуждения, ошибки, т.п.

На уровне наивно-языковых представлений все люди знают, что значит лгать, говорить неправду, быть неискренним, хитрить, преувеличивать, заблуждаться и могут дать бытовое определение указанным явлениям. Однако среди ученых нет единого мнения относительно данных понятий. В поисках подходящего обозначения, объясняющего феномен преднамеренного или непреднамеренного искажения действительности, исследователи обращались к таким терминам как “ложь”, “ложная информация”, “обман”, “дезинформация”, “манипулирование истиной”, “тенденциозное представление события”, “неискренность” и т.п. (Рижинашвили [8]; Новосельцева [9]; Пузанова [10]; Панченко [11]; Плотникова [12]; Токарева [13]; Хромова [14] и др.).

Однако, как справедливо замечает С.Н. Плотникова, такое разграничение вряд ли имеет значение для лингвиста, так как на языковом уровне мы имеем дело языковыми структурами, оформленными одинаковым образом [12, с. 40]. Более того, как нами отмечено при анализе фактического материала, говорящий может пользоваться одними и теми же лингвистическими средствами для того, чтобы сказать истину/правду или солгать. Так, выражение *I tell you the truth* может в равной степени вводиться как истинную, так и ложную пропозицию. Следовательно, в плане выражения истина/истинность может практически ничем не отличаться от лжи/ложности, основное различие – прагматическое, в интенциональных смыслах, которые кроются в сфере функционирования речевого акта говорения. Исходя из того, что проблема истины/неистины находится не столько в ведении семантики, сколько прагматики, исследователю для выявления конститuentов поля необходимо не только знание значений слов/предложений, но и определенный механизм их интерпретации.

В широком смысле текущее мышление и общение состоит из утверждений, за которыми следует реакция согласия/несогласия, поддержки/возражения, подтверждения/опровержения, ободрения/обвинения и т.п. В этой связи отрицательная оценка истинности является производным высказыванием, полученным в результате применения оператора отрицания к коммуникативно более ранней пропозиции *P*. Общепринятым способом семантического описания таких предложений стало использование оборота “неверно, что *P*”, в сферу действия которого попадает рема утверждения. Другими словами, отрицательная истинностная оценка может быть отнесена к утверждениям корректирующего типа. Оператор “то, что *P* неверно” рассматривается как средство констатации ложности некоторой пропозиции, указывает на несоответствие некоторого мнения действительности, следовательно, мы имеем дело с суждениями о суждениях, которые неразрывно связаны с диалогической речью. Они отсылают к предшествующему высказыванию, а иногда и к его автору и его коммуникативным намерениям. Модусы и предикаты отрицательной истинностной оценки широко пользуются номинациями речевых актов, квалифицирующих их по несоответствию действительности (cf. *cheating, gossip, fantasy, compliment,*

flatter, evasion, etc.). Как отмечает Н.Д. Арутюнова, “причины прагматизации вторичной истинностной оценки очевидны. Ее объектом в большинстве случаев является не собственно суждение, а речеповеденческий акт, соединяющий в себе суждение и речевое действие. Реакция на него также может объединять оценки суждения и действия” [1, с. 575].

Как становится очевидным при анализе выделенных нами контекстов со значением неистинности, практически все дескрипции речеповеденческих актов включают в свою семантику прагматическую оценку. Она принимает во внимание ряд дифференциальных признаков: сознательность и преднамеренность действия, его мотивы и цели, успешность и эффективность реализованного действия, извлечение/неизвлечение выгоды из ложного сообщения и нанесение вреда собеседнику, злой умысел и злоупотребление доверием, искренность/неискренность говорящего, контролируемость/неконтролируемость дезинформации, направленность/ненаправленность на сокрытие истины и т.п. Виды отклонений от нормы многочисленны, cf. *to lie, to cheat, to pretend, to err, to be mistaken, to misunderstand, to overstate, to imagine, to talk nonsense, etc.*

Обман, притворство, умолчание, фантазирование, ирония, шутка, комплимент и т.д. – это случаи, когда говорящий нарушает сформулированные в теории речевых актов Грайса [15] принципы рациональности (следование истине) и искренности (сознательная приверженность истине). При этом, коммуникативный кодекс применяется только к сознательным и намеренным речевым действиям, предсудительным коммуникативным целям. Так, можно говорить о невольном обмане в случае, когда человек владеет старой или неправильной информацией и не осознает, что вводит в заблуждение собеседника. С другой стороны, раскрытие чужих секретов, несмотря на соблюдение требования говорить правду, отступает от коммуникативного кодекса; также и доносы, нередко содержащие истинную информацию, порицаются обществом. Наоборот, сверхзадача речи (при одобрении, поощрении, утешении и т.п.) зачастую отражается и на искренности говорящего, и на истинности сообщаемого, но соответствующее действие оценивается положительно или, во всяком случае, не подвергается осуждению. Как показывает анализ контекстов, в которых реализуется значение неистинности, желание достигнуть коммуникативной цели не всегда совместимо с искренностью мнения и правдивостью выражаемых суждений. В то же время, учет прагматической ситуации приводит к тому, что действия человека оцениваются по двойному стандарту – целесообразности и соответствию этической норме, например, обман в пользу другого человека (ложь из благих побуждений или ложь во спасение) не порицается обществом. Рассмотрим пример: *As she went on talking he saw with a conclusive pang that, though he had made open confession, she would never believe him. She had her illusion of Harry's peaceful, inevitable, costly passing. It would be cruelty to shake her from this pillar to which she clung so happily* [16, с. 425]. Врач, решивший сообщить вдове пациента о врачебной ошибке, ставшей причиной смерти мужа, не решается разрушить иллюзии несчастной женщины о том, что и врачи и она сама сделали для бедняги все возможное.

Таким образом, наше исследование подтверждает, что оценка действия и суждения может получать разные ценностные показатели, а речеповеденческие акты имеют двойную ориентацию: они характеризуют и содержание высказывания со стороны истинности и говорящее лицо со стороны нравственности совершенного им действия. В ситуации, описанной в следующем примере, порицание скорей бы вызвал правдивый ответ: *“How do you like for her [aunt – O.M.] to come live with us?” I said I would love it very much, which was a lie, but one must lie under certain circumstances and at all times when one can't do anything about them happily* [17, с. 128].

Принимая во внимание вышеизложенное, необходимо переосмыслить понимание обмана, трактуемого на бытовом уровне как плохой поступок человека. Если рассматривать обман как стратегию общения, то выясняется, что существует масса случаев, когда человеку приходится обманывать, чтобы выжить. В следующем примере речь идет о вынужденном обмане, совершенном под давлением обстоятельств: *As a child of war, I learned the truth is not always what is right or good or best. If the SS came to your door and asked if you had Jews inside, you did not tell the truth if you were hiding Jews. When members of Totenkopf SS occupied my family home in Austria, I couldn't tell the truth about how much I hated them. When the SS commander of Mauthausen came into my bed so many nights and asked me if I enjoyed what he did to me, I didn't tell the truth. ... Truth is relative then. It is always about timing. It is about what is safe. It is the luxury of the privileged, of people who have plenty of food and are not forced to ride because they are Jews. Truth can destroy, and therefore it is not always wise or even healthy to be truthful* [18, с. 441].

“Необходимость выжить” может пониматься не только в прямом смысле, когда человек обманывает, чтобы спасти свою жизнь, но и в переносном, когда обман используется, чтобы “выжить” в борьбе с конкурентами в бизнесе или политике, или чтобы преуспеть в любви, или просто чтобы понравиться собеседнику. Действительно, человек может признать, что солгал и объяснить это общественной необходимостью. Обман может навязываться обществом через определенные социальные институты, как в случае публичного извинения политика за сказанное. Сюда же относим случаи т.н. *white lies*, например, ложь врача, скрывающего от больного страшный диагноз, или ложь человека, утаивающего неприятные известия от своих близких. Как относиться к выдумке, сказанной в шутку, к комплименту, который явно приукрашивает действительность? Кто будет порицать, обвинять в двуличии и лицемерии адвоката, блестящая речь которого призвана убедить присяжных в невиновности преступника, хотя у самого защитника нет и тени сомнения в его вине? Как рассматривать случаи фантазирования и сочинительства, которыми “грешат” многие дети, а также источники народного творчества, а именно легенды, сказки, мифы, былины? Как относиться к профессиям журналиста, актера, дипломата, приемлющих ложь, умолчание или притворство в больших количествах? Наконец, куда отнести случаи т.н. *terminological inexactitude*, употребляемым по отношению к коллегам при научном или ином виде диспута? Как видим, обман как стратегическое взаимодействие является одним из видов повседневно общения (см. примеры из собранного нами корпуса): *Truth should not always be revealed (proverb); Lawyers interpret the truth; Lawyer's truth is not truth; The first rule of journalism: never let the truth get in the way of a good story; Truth telling and medicine just didn't go together except in dire emergencies, if then; ...nobody expects people to tell the truth to women.*

Мы приходим к пониманию того, что не только истина, но и неистина имеет высокую социальную значимость: это тот минимум лжи, который требуется обществу для своего нормального функционирования. В контексте межличностного и социального взаимодействия можно выделить такие модусы обмана, как тактичность, вежливость, любезность, создание имиджа и т.п., по отношению к которым в рамках этического аспекта употребляются признаки: “допустимость” и “безобидность”, хотя они априори содержат ограничение истинности и откровенности. Рассмотрим пример: *...they had slept in separate rooms, both here and in the Portland house, for the last five years. It had been her decision, not his; she had gotten tired of his snoring, which seemed to get a little worse every year ... And his snoring hadn't been the real reason she had moved out; it had just been the most diplomatic one. The real reason had been olfactory. Jessy had first come to dislike and then actually loathe the aroma*

of her husband's night-sweat. Even if he showered just before coming to bed, the sour smell of Scotch whisky began to creep out of his pores by to the next morning [19, с. 69]. Храп мужа послужил наиболее дипломатичным предлогом для объяснения желания супруги спать в другой комнате, так как она, следуя принципам такта, не осмелилась озвучить истинную причину.

Одной из форм компромисса, сглаживающего противоречие между моральными нормами и реальностью, является т.н. двойная мораль, почти всегда присутствующая в любом обществе. Ложь (сокрытие истины) повсеместно используются в политике, военном деле, бизнесе, рекламе, юриспруденции, средствах массовой информации, искусстве и т.д., то есть обман функционирует в разных сферах человеческой деятельности. Подчеркнем, что в фокусе нашего внимания преимущественно находятся такие случаи намеренного неверного отражения действительности, которые осуждаются обществом и могут нанести вред адресату.

Насколько многочисленны прагматические аномалии, толкающие человека к искажению действительности, настолько богатым репертуаром единиц со значением неистинности откликается на них язык. К сожалению, в рамках настоящей статьи невозможно перечислить весь инвентарь выявленных нами констатантов *поля неистинности*, поэтому ограничимся некоторыми примерами. В составе *поля неистинности* в английском языке мы выделили ядерные и периферийные элементы.

Ядро поля неистинности: имена существительные с семантикой неистинности: *falsehood, untruth, unveracity, fantasy, fiction, fallacy, delusion, etc.*, в т.ч. со значением обмана, неискренности, умолчания/утаивания и т.д.: *lie (n.), deceit, dishonesty, sham, pretence, insincerity, evasion, distortion, fabrication, etc.*; прилагательные и наречия с семантикой неистинности: *untrue, false(ly), wrong(ly), improper, incorrect, mistaken, etc.*, в т.ч. с добавочными семемами сомнительности, неверия, неискренности и др.: *far-fetched, unbelievable, illusory, fanciful, untruthful, dishonest, deceitful, insincere, phon(e)y, sneaky, etc.*; глагольные лексемы и глагольные сочетания из разряда *lie*, в т.ч. с семой "намеренное неверное отражение действительности": *cheat, con, deceive, delude, hoodwink, fool, falsify, forge, misinform, exaggerate, overstate, twist, slander, etc.*
Околоядерная зона: фразеологизмы с семантикой неистинности/обмана: *do smb in the eye, keep up (save) appearances, play smb for a fool, pull smb's leg, pull the wool over smb's eyes, take smb for a ride, sell smb a pup, etc.*

Периферия поля неистинности: грамматическая категория отрицания: *no, not, not true, not really, not agree, not at all, nothing of the kind/sort, etc.*; согласительное наклонение, обозначающее действия/состояния, противоречащие реальности: *If it were true!, He spoke as if he had been there himself, etc.*; разноразрядные единицы с семой "несогласие": *argue, disagree, object, be at odds with, shake one's head, etc.*; разговорные формулы, междометия, восклицания, служащие для выражения несогласия (возражения): *I'm afraid/I think you're mistaken, But it can't be so, But that's incredible, Quite the contrary!, Crazy!, etc.*; различные способы опровержения истинности, в т.ч. косвенное несогласие, имплицитное (скрытое) отрицание: *Me tell a lie!, etc.*

Большое количество средств и способов актуализации неистинности является языковым подтверждением того, насколько неоднозначна ситуация неверного отражения действительности и каким многообразием характеризуется человеческая реакция на нее. Прагматическая мотивация языкового отбора становится одной из главных задач лингвистов. Другим важным навыком является правильная интерпретация контекста с учетом всех особенностей речевой ситуации. Поясним необходимость контекстуального анализа на примере: *"You know that Edward admired your works so much", said Mrs. Driffield. "He reread your books quite often." "I'm very glad to think that", I said politely. I knew very well that*

they had not been there on my last visit... [20, с. 176]. В рассматриваемом отрывке нет языковых единиц, эксплицитно раскрывающих значение несоответствия действительности высказывания о том, что Эдвард любил и перечитывал книги лица, от имени которого ведется повествование. Однако факт отсутствия книг во время предыдущего визита рассказчика дают основание сделать предположение, что книги намеренно поместили на видное место, поэтому он совершенно уверен, что собеседник слукавил. Неискренность Миссис Дрифилд раскрывается лишь в контексте.

Вариативность форм актуализации неистинности позволяет нам сделать вывод, что такие высказывания представляют собой нежестко организованные в грамматическом и лексическом отношении структуры, воспринимаемые в значительной мере интуитивно с опорой на прагматическую ситуацию и межличностные отношения, и поэтому несомненный интерес вызывает их более тщательное рассмотрение. Особенно, на наш взгляд, необходимо уделить внимание изучению коммуникативно-прагматических стратегий и тактик речевого поведения, находящихся в арсенале англоязычной личности, на примере контекстов, в которых находит свое отражение концепт "неистина". Это тем более актуально в связи с тем, что, как мы уже отмечали, нет такой сферы человеческой деятельности, где не встречалась бы ложь, с одной стороны, и неверная интерпретация действительности, с другой. Неистина – понятие многоаспектное, которое имеет житейскую, этическую, психологическую, философскую, логическую, юридическую и, наконец, лингвистическую стороны. Будучи сложным переплетением когнитивных, нравственных, социокультурных, прагматических аспектов, неистина сопровождает человеческую коммуникацию и реализуется в ней, нередко отражая свой конфликт с нормой, моралью и истиной как фундаментальной бытийной ценностью любой лингвокультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Истина и правда // Язык и мир человека. Изд. 2-е, испр. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 543-642.
2. Лукин В.А. Концепт истины и слово "истина" в русском языке (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 63-85.
3. Шатуновский И.Б. "Правда", "истина", "искренность", "правильность" и "ложь" как показатели соответствия/несоответствия содержания предложения мысли и действительности // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 31-38.
4. Агиенко М.В. Структуры концептов "правда", "истина", "truth" в сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2005. 220 с.
5. Земскова Н.А. Концепты "истина", "правда", "ложь" как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2006. 200 с.
6. Максимчик О.А. Функционально-семантическое и когнитивно-прагматическое описание концепта "истина" (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2010. 230 с.
7. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 208 с.
8. Рижинашвили И.У. Лингвистические механизмы тенденциозного представления события в англо-американской периодике: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 1994. 182 с.
9. Новосельцева О.О. Высказывания, выражающие оценку истинности чужого сообщения (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 1996. 150 с.

10. Пузанова О.В. Прагматика и семантика умолчания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 1998. 201 с.
11. Панченко Н.Н. Средства объективации концепта «обман»: на материале английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 1999. 236 с.
12. Плотникова С.Н. Лингвистические аспекты выражения неискренности в английском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Иркутск, 2000. 377 с.
13. Токарева О.С. Семантический потенциал виртуального словесного знака обмана и способы его представления в системе английского глагола: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск, 2001. 146 с.
14. Хромова Т.А. Актуализация концепта TRUTH в современном английском языке: дис. ... канд. филол.

- наук: 10.02.04. Иркутск, 2002. 194 с.
15. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / пер. с англ. В.В. Туровского // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 217-237.
16. Cronin A.J. The Citadel. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1963. 475 p.
17. Lee H. To Kill a Mocking Bird. New York: Warner Books, 1982. 281 p.
18. Cornwell P. The Last Precinct. London: Warner Books, 2001. 565 p.
19. King S. Gerald's Game. New York: Penguin Books, 1993. 445 p.
20. Maugham W.S. Maugham. Cakes and Ale (or The Skeleton in the Cupboard). Moscow: Progress Publishers, 1980. 237 p.

FIELD OF FALSEHOOD REFLECTED IN MODERN ENGLISH

© 2013

O.A. Maximtchik, candidate of philological sciences, senior lecturer of the department of «English philology and cross-cultural communication»
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Annotation: In the paper the semantic field of falsehood is viewed as part of larger functional-semantic field of truth. The author considers that the feature “false reflection of reality” is common to all constituents of the field in question. Having analysed the notion of falsehood specifically reflected in the English language discourse, the author comes to the conclusion that the nature of the phenomenon can only be fully understood and described if both semantic and pragmatic factors are taken into account. The article emphasizes the interrelation of semantic and pragmatic parameters, as well as proper linguistic and extra-linguistic factors, in the appreciation of the constituent elements of the field of falsehood, which are very rich in their structure and meaning. It becomes increasingly important that context is carefully analysed so that a researcher can succeed in revealing new constituents of the field under investigation.

Keywords: concept “truth”, English language and culture, functional-semantic field, field of falsehood, false reflection of reality, speech act, contextual analysis.

УДК 378.14.015.62

**ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА**

© 2013

С.А. Севенюк, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой
«Социальная педагогика, психология и педагогика начального образования»
Т.А. Парфенова, старший преподаватель кафедры «Социальная педагогика, психология
и педагогика начального образования»
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация: При перестройке системы высшего педагогического образования на компетентностной основе приоритетным становится ориентация на такие векторы образования, как обучаемость, самоопределение, самоактуализация, социализация и развитие индивидуальности. При этом в качестве инструментальных средств достижения этих целей выступают принципиально новые образовательные конструкты: компетенции и компетентности.

Ключевые слова: социально-психологическая компетентность будущих педагогов, современное образовательно-воспитательное пространство вуза.

В современном российском образовании происходят качественные изменения, связанные с актуализацией мобильности профессионала. Изменяются модели подготовки современных профессионалов. Приоритет в процессе высшего образования отдается в пользу компетентностного подхода. Реализация компетентностного подхода предполагает формирование у студентов общекультурных и профессиональных компетенций. Понятие «компетенция», как отмечает А.В. Хуторской, включает совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним. Компетентность — это владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности [1]. Рассматривая все многообразие современных исследований компетентностного подхода в системе образования, необходимо отметить работы таких ученых, как: А.А. Деркач, И.А. Зимняя, А.К. Маркова, А.В. Хуторской, В.Д. Шадриков, И.С. Якиманская и др.

К профессионалам, работающим в образовательной среде, всегда предъявлялись жесткие требования не только к теоретической подготовке, но и к личности самого учителя. Современный педагог должен обладать высокой культурой, быть убежденным патриотом, иметь сформированную систему нравственных ценностей, быть способным к инновационной деятельности и самосовершенствованию. Поэтому формирование социально-психологической компетентности будущего педагога приобретает особую значимость.

Социально-психологическая компетентность предполагает наличие у профессионала таких умений, как: умение ориентироваться в различных социальных ситуациях, умение верно распознавать эмоциональный настрой человека, умение определять особенности личности, умение выбирать адекватные и продуктивные способы взаимодействия с людьми. Данный вид компетентности развивается наилучшим образом в процессе активного общения и совместной деятельности, поэтому важным аспектом становится переориентирование системы подготовки будущих педагогов с теоретической на прикладную.